

«Дети перестройки»: социологические оценки

Николай Михайлович Байков,

доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы и социологии Дальневосточного института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Хабаровск.
E-mail: nmbaikov@rambler.ru

В статье представлены особенности *социальных переходов* постперестроечного поколения, выявленные на основе результатов социологического мониторинга молодёжи (людей 17-ти, 24-х и 29-ти лет) Хабаровского края в 1997—2013 гг. Возрастной показатель предельно важен для дифференциации социальной структуры общества, т.к. для каждой возрастной группы характерна определённая система ожиданий. Будучи объективным, этот показатель позволяет не только узнать год рождения индивида, но и очертить группы, которые символизируют начало, середину и окончание его молодёжного возраста. В связи с завершением 25—30-летнего постперестроечного периода как определённого поколенческого цикла научно-практический интерес представляют результаты социологического мониторинга социальных переходов, совершённых «детьми перестройки» в процессе взросления. Наиболее длительное воздействие на социализацию и профессионализацию молодёжи оказывают пять социальных переходов: продолжение учёбы, начало трудовой деятельности, усвоение навыков здорового образа жизни, создание семьи, формирование и проявление гражданской позиции. Представленные в статье результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что социальное и профессиональное взросление «детей перестройки» отразилось на их ценностных ориентациях и мотивах поведения, которые носят противоречивый и порой парадоксальный характер. По мнению автора, недооценка государством и обществом социальных переходов взросления, характерная для постперестроечного периода, создала немало проблем в социализации и профессионализации родившихся в эти годы, а также в их личностном становлении и социально-экономической востребованности в новых условиях.

Ключевые слова: молодёжь, «дети перестройки», возрастной статус, социальные переходы, ценностные ориентации, обучение, трудовая деятельность, создание семьи, здоровый образ жизни, гражданская позиция, Хабаровский край, социологический мониторинг.

Children of perestroika: sociological evaluations.

Nikolay Baykov, Far Eastern Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk, Russia.
E-mail: nmbaikov@rambler.ru

The paper presents characteristic features of the post-perestroika generation's social transitions identified as a result of sociological time-lapse study of youth (persons of 17, 24 and 19 years of age) in Khabarovsk Krai from 1997 to 2013. The age factor is crucial for differentiation of social structure, since a specific expectation system is characteristic for each age group. As an objective factor, it allows not only to calculate a person's age but also to outline the groups symbolizing the beginning, middle and end of its youth age. Upon end of the post-perestroika period which lasted 25—30 years, a generation cycle in a sense, the results of sociological time-lapse study of social transitions performed by "children of perestroika" in the course of their coming into age are of academic and practical interest. Five social transitions have the most lasting effect on the youth's socialization and professionalization: continuing education, beginning of working practice, acquiring healthy lifestyle skills, making a family, formation and expressing one's civic stance. The results of sociological research presented in the paper prove that social and professional coming-of-age of "children of perestroika" influences their value systems and motivations which have controversial and sometimes paradoxical nature. In the author's opinion, the state's and society's underestimation of the social transitions characteristic for moving into adulthood created many problems in socialization and professionalization of the persons born in those years, in personal formation, being in demand in the social and economic aspect in the new conditions.

Keywords: youth, "children of perestroika", age status, social transitions, value systems, education, youth, working practice, making a family, healthy lifestyle, civic stance, Khabarovsk Krai, sociological time-lapse study.

В российском общественном дискурсе словосочетание «дети перестройки» встречается довольно часто и применяется к поколению родившихся на рубеже 80—90-х гг. XX в. Сегодня представители этой возрастной когорты — двадцатипятилетние и тридцатилетние — ещё относятся к молодёжи. Значимость возрастного признака как объективного показателя дифференциации социальной структуры общества очевидна, т.к. в социуме существует система ожиданий, связанных с возрастом человека. При этом возрастной статус представляет собой более широкое понятие, чем определение количества лет, исходя из даты рождения. П.А. Сорокин, подчёркивал, что «...возрастной признак причинно связан с рядом психо-социальных свойств индивида, оказывающих влияние на чувствования и верования, желания и стремления, идеи и интересы индивида, а через них на всё его поведение, а через поведение и на всю социальную жизнь... По своему характеру возрастная группировка принадлежит к числу закрытых» [6, с. 110, 113—114]. Кроме того, в любом обществе

устанавливаются возрастные роли, или совокупность ожиданий, связанная с возрастным статусом. Для каждой группы они свои и оцениваются по-разному. В результате возникает «возрастная стратификация — процесс, посредством которого индивиды распределяются по различным статусным позициям и играют роли на основании социальных установок в отношении их возраста» [1, с. 62].

Для исследования этих процессов представляется малопродуктивным «валовый» подход к молодёжи как к группе с возрастными границами от 14 до 30 лет. Принятый ещё во времена комсомольского учёта, он до сих пор встречается в некоторых научных трудах и официальных документах.

В этой связи заслуживают внимания результаты социологических исследований молодёжи, чьё сознание и поведение сформировалось под влиянием социальных потрясений постсоветского периода. Действительно ли появление только статистически малозначимых групп с новым социальным положением и образом жизни при общей инертности, стабильности поколения в целом есть основание рассматривать поколение как фактор социальных изменений? При этом можно разделить позицию отечественных социологов, считающих, что «указанные проблемы требуют дифференцированного подхода — по возрастным группам, при выделении „точек“, когда молодому человеку приходится совершать определённый выбор жизненного пути» [5, с. 5]. Своего рода реперными точками в данном социологическом мониторинге служат: возраст надежд (17 лет); этап формирования собственного пути (24 года); пора получения первых самостоятельных результатов (29—30 лет)¹.

Особенности возрастной дифференциации молодёжи как социальной когорты проявляются в том, что молодые постоянно находятся в состоянии социальных переходов. Их вектор направлен от положения взрослого индивида как объекта социального воздействия к роли субъекта социально-преобразующей деятельности. При этом термин «переход» не совсем точен, поскольку некоторые из указанных аспектов, такие как начало трудовой деятельности и создание семьи, в отличие от других, объединяют в себе несколько переходных этапов. Однако все они имеют решающее значение, т.к. связаны с накоплением, поддержкой, использованием и воспроизводством человеческого капитала.

Наиболее продолжительное воздействие на социализацию и профессионализацию личности оказывают пять «социальных переходов»: продолжение учёбы, начало трудовой деятельности, усвоение навыков здорового образа жизни, создание семьи и формирование и проявление гражданской позиции.

¹ Социологический мониторинг «Молодёжь Хабаровского края: проблемы и перспективы» (1997 г., 2000 г., 2005 г., 2007 г., 2009 г. и 2013 г.) в разрезе трёх возрастных групп — 17, 24 и 29 лет. N = 550—700 респондентов. Тип выборочной совокупности — многоступенчатый, квотный — в разрезе трёх основных характеристик (пол, возраст, территория проживания), случайный на этапе отбора респондентов. Научные руководители — д.с.н., проф. Н.М. Байков, к.соц.н., доц. Ю.В. Березутский.

ПРОДОЛЖЕНИЕ УЧЁБЫ

Вступление молодого человека в жизнь в значительной мере опосредуется системой образования. Обучение — это процесс жизненного цикла, в котором имеют значение выбор времени и последовательность инвестиций. Вкладывать в него нужно в детстве и юности: недостаточное инвестирование на этом этапе ведёт к большим издержкам в будущем, необходимости исправлять допущенные ошибки. В детстве и юности обучение протекает наиболее интенсивно, т.к. физические и интеллектуальные способности быстро развиваются. Это критические периоды для приобретения большинства умений и навыков. Так, например, лингвистические навыки гораздо легче формируются у детей, чем у взрослых. В то же время такие поведенческие установки, как мотивация, упорство, самодисциплина и др. развиваются и в начале третьего десятилетия жизни человека.

Знания, полученные в раннем возрасте, остаются с человеком на всю жизнь, и их гораздо труднее освоить в зрелом возрасте. Так, успешное обучение в общеобразовательной школе позволяет осознанно принимать важные решения в отношении последующих социальных переходов: дальнейшей профессиональной подготовки, будущей трудовой деятельности, вступления в брак и создания семьи, гражданского самоопределения. Известно, что успехи отдельных государств Восточной Азии, добившихся в этом направлении значительных успехов по сравнению с другими странами, были названы «чудом» [2, с. 6].

Социологический мониторинг «Молодёжь Хабаровского края: проблемы и перспективы», проведённый в 1997, 2000, 2005 и 2013 гг. среди молодёжи трёх возрастных групп, позволяет проанализировать взгляды респондентов на образование. На вопрос о том, что даёт высшее образование, опрошенные всех возрастов ответили: «хорошую профессию». Однако разочарованность в нём у 24—29-летних «детей перестройки» больше, чем у 17-летних. Это связано с девальвацией высшего образования, проблемами трудоустройства по специальности и другими кризисными явлениями на рынке специалистов. В то же время доля респондентов, считавших, что высшее образование даёт человеку определённое положение в обществе, составила всего третью часть и не претерпела изменений за исследовательский период (табл. 1).

В целом оптимизма насчёт перспектив высшего образования больше у 17-летних респондентов, чем у тех, кто имел возможность его получить или получил (24 и 29 лет). В частности, заметим, что среди 17-летних почти в два раза возросла доля тех, кто рассчитывает после обучения работать за рубежом (табл. 1).

Значительная часть молодёжи ориентирована на то, что профессиональное образование обеспечит ей высокий социальный статус и материальное благополучие. Осознанность выбора вуза, а следовательно и специальности, предполагает интерес молодого человека к учёбе, знаниям,

Таблица 1

**Что даёт человеку высшее образование?
(в процентах от общего числа опрошенных)**

Варианты ответа	17 лет		24 года		29 лет	
	2009 г.	2013 г.	2009 г.	2013 г.	2009 г.	2013 г.
Хорошую профессию	51,9	53,4	43,4	40,2	47,4	34,6
Диплом, дающий определённое положение в обществе	29,8	39,0	37,9	34,3	34,3	32,9
Материальное благополучие	35,7	28,8	31,5	22,3	31,5	30,7
Высокий уровень культуры	14,7	25,4	22,8	17,5	29,6	20,3
Успех в жизни	35,3	42,4	29,7	30,3	23,0	28,1
Приятное времяпрепровождение в студенческие годы	16,7	17,8	13,2	12,0	11,7	14,7
Возможность избежать службы в армии (от числа юношей)	12,3	5,1	10,1	10,0	7,7	12,6
Возможность работать за рубежом	9,3	25,4	8,2	8,8	6,6	10,0
Ничего не даёт	8,1	5,1	8,7	13,5	9,9	14,3
Затрудняюсь ответить	5,4	3,4	3,2	3,6	3,3	5,6

* Сумма ответов превышает 100%, т.к. по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа.

его дальнейшее профессиональное становление и развитие. Однако только треть опрошенных выбрали профессию, основываясь на собственных интересах. Остальные же руководствовались такими субъективными мотивами, как чей-то совет, стоимость обучения, близость к дому и т.д.

Высокая ориентация молодёжи на получение высшего образования существенно ограничивает возможности системы подготовки специалистов среднего звена и рабочих массовых профессий, крайне необходимых в современных условиях. Лишь немногие намерены после окончания школы поступить в техникум (колледж) или профессиональное училище. Среди множества причин низкой мотивации на получение среднего профобразования следует отметить проблему трудоустройства выпускников. Среди 11 наиболее важных проблем она занимает ведущее место (как и жилищный вопрос) и актуальна для 59% респондентов.

Очевидно, что на выбор профессии влияет множество факторов, среди которых особое место занимает её престиж и востребованность на рынке труда. По результатам исследования, учащиеся по-разному оценивают свою профессию, т.к. её выбор был слабо связан с интересом, а в большей степени основывался возможностью поступить на бюджетное отделение вуза и обучаться бесплатно. В результате лишь пятая часть (20%) положительно оценивают возможность трудоустройства по окончании обучения.

Между тем политика государства по созданию новых производственных мощностей на территориях опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России объективно востребует высоко мотивированных в своей профессии специалистов и рабочих.

НАЧАЛО ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Получив профессию, при выборе места работы молодёжь в большинстве своём ориентируется на высокую заработную плату (58,7%), интерес к деятельности (44,4%) и престиж предприятия (44,1%). При этом условия труда и наличие социального пакета являются значимыми лишь для немногих (28,7%).

Социально-экономический потенциал молодых специалистов во многом определяется обеспеченностью их жизни. Результаты исследования показывают, что молодые люди испытывают серьёзные материальные трудности, их доход не может полностью удовлетворить даже текущие потребности, связанные с повышением квалификационного уровня, воспитанием детей, досугом и т.д. Сравнение результатов исследований (2007 г. и 2013 г.) показало, что субъективная оценка молодыми семьями своего уровня жизни существенно не изменилась. Так, доход молодых семей по-прежнему складывается в основном (80—90%) из заработной платы мужа и жены. Кроме этого источника пополнения семейного бюджета, по одной четверти респондентов отметили «приработок мужа» и «материальную помощь родителей, родственников».

Однако, анализируя ответы молодёжи в 1996 г. и 2007 г., отметим, что доля «зарплатной платы по основному месту работы мужа и жены» в структуре бюджета молодых семей увеличилась, а доля таких источников, как «пособие на детей», «стипендия» и «помощь родственников» сократилась. Это может свидетельствовать о большей самостоятельности и активности «детей перестройки» в материальном обеспечении и возросших возможностях реализации их трудового потенциала.

Оценивая экономический потенциал молодых семей, необходимо обратить внимание на другие материальные ресурсы, имеющиеся в их распоряжении, кроме ежемесячной заработной платы: денежные сбережения, собственность. Так, по результатам исследования 2013 г., динамика денежных накоплений молодых семей за последние пять лет (с 2007 г.) отрицательная. Доля семей, имеющих денежные сбережения, сократилась с 31 до 24% от числа опрошенных.

Применение стратегий, которые могли бы увеличить экономический потенциал молодых семей при наличии «свободных» денежных средств (на образование, лечение, укрепление здоровья, инвестиции в доход, открытие своего дела), отметил лишь каждый десятый респондент. Среди причин, мешающих улучшить материальное положение семьи, 33% от числа опрошенных выделили «недостаточное внимание государства к оказанию социальной поддержки молодёжи». При этом каждый четвёртый затруднился ответить на данный вопрос. Результаты свидетельствуют о том, что молодые люди перекладывают ответственность за свои семьи на внешние силы — государство. Сохранение патерналистских представлений у «детей перестройки» подтверждается и ответами

на вопрос о намерениях улучшить своё материальное положение. Активную позицию заняли люди, планирующие: «поменять работу на более высокооплачиваемую» — 24,3%; «искать работу или другое доходное занятие» — 17,2%; «организовать собственное дело» — 14%; «увеличить интенсивность своего труда, что позволит больше зарабатывать на этой работе» — 14,7%. Однако велика доля опрошенных, ориентированных на пассивную позицию: 14,3% «ничего не намерены делать»; 24,6% готовы «ожидать увеличения заработной платы»; 17,7% решили «больше экономить»; 12,3% согласились «ждать, что со временем улучшится экономическое положение всех людей», в т.ч. и их собственное.

В улучшение своего материального положения в ближайшие 1—2 года верят только третья часть (33,1%) опрошенных. Примерно столько же считают, что уровень жизни останется прежним (37%). Каждый четвёртый респондент затруднился с оценками перспектив своего материального благополучия. И только 4% уверены, что в ближайшее время материальное положение ухудшится.

УСВОЕНИЕ НАВЫКОВ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Бережное отношение к своему здоровью является ведущим в структуре личности. Анализ ценностных ориентаций молодёжи с использованием методики М. Рокича позволяет выделить терминальные и инструментальные ценности. Первые определяются как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования заслуживает того, чтобы к ней стремиться. Вторые — что определённый образ действий является предпочтительным в любых ситуациях.

Следует отметить, что подавляющее большинство опрошенных разных возрастных групп молодёжи из 18 ценностей, предложенных социологами, первой выбирают здоровье (рис. 1.). Однако такая позиция в рейтинге значимости носит скорее декларативный характер и не подкреплена социальными практиками. Таким образом, вывод, сделанный российскими исследователями ещё в начале 90-х гг. XX в. о том, что «каждое последующее поколение российской молодёжи по основным показателям социального положения и развития хуже предыдущего» [4, с. 206], актуален в т.ч. и с точки зрения отношения к здоровью.

Важно отметить, что здоровое состояние организма во многом связано с образом жизни. В последнее время одним из факторов, влияющих на здоровье, называют низкую двигательную активность молодёжи. Даже такое базовое профилактическое мероприятие, как зарядка, практически половина опрошенных игнорирует либо выполняет всего несколько раз в год. А с возрастом доля молодёжи, делающей зарядку 1—3 раза в неделю, снижается с 43,2% (17 лет) до 29,9% (24 года).

Только четвёртая часть опрошенных отмечает отсутствие болезней. В немалой степени риск заболеваний обусловлен и вредными привычками молодёжи. Так, по данным опросов, около 40% респондентов всех

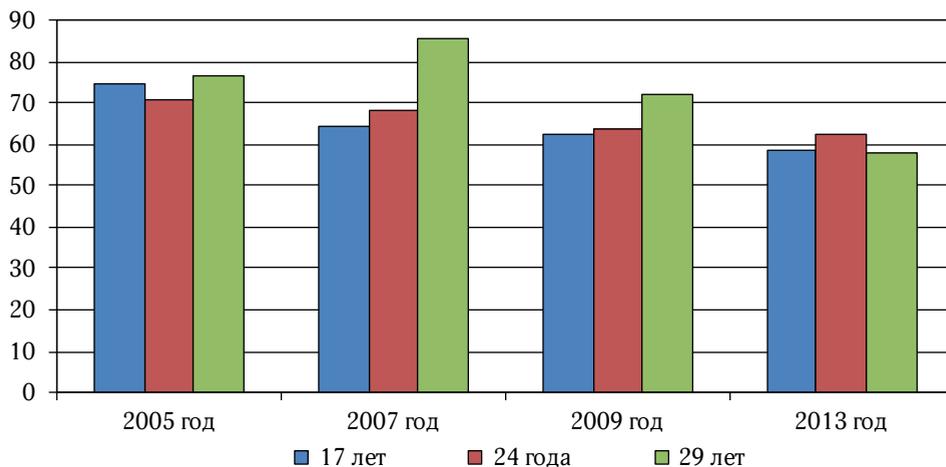

Рис. 1. Динамика ценностей здоровья возрастных групп молодёжи (в процентах от числа опрошенных)

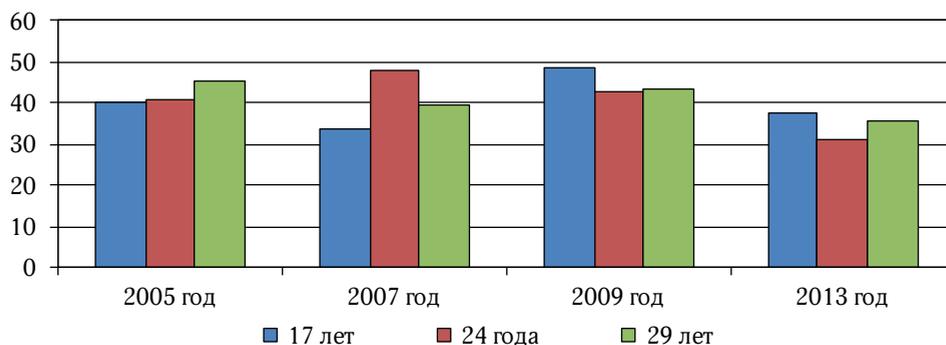

Рис. 2. Динамика мнений респондентов о распространённости курения среди молодёжи (в процентах от числа опрошенных)

возрастных групп курят, хотя и несколько меньше в сравнении с прежними годами (рис. 2). При этом треть 17-летних относит себя к группе активно курящих, чего нет среди 24–29-летних.

Наряду с табакокурением следует отметить и увлечение молодёжи алкогольными напитками. Употребление спиртных напитков с разной частотой отметили в 2013 г. 57,6% 17-летних, 74,1% 24-летних и 69,5% 29-летних респондентов (табл. 2). Причинами, побудившими к принятию алкоголя, опрошенная молодёжь называет рекламу, моду и среду. Среди студентов вузов пиво пьют более половины опрошенных — 61,9%; из них каждый пятый — часто. Крепкие напитки (водка, коньяк) употребляет каждый второй юноша (49%) и третья часть девушек (31%), а пиво — до 70% юношей и 57% девушек². Доступность алкоголя привела к тому, что его регулярное потребление среди молодёжи катастрофически выросло.

² Исследование «Здоровье студентов», 2009 г. Опрошено 646 студентов вузов Хабаровского края. Тип выборочной совокупности — квотный по полу, курсам, специальностям и формам обучения. Научный руководитель — д.соц.н., проф. Н.М. Байков.

Таблица 2

**Частота употребления спиртных напитков молодёжью
(в процентах от общего числа опрошенных)**

Варианты ответов	17 лет		24 года		29 лет	
	2009 г.	2013 г.	2009 г.	2013 г.	2009 г.	2013 г.
Не употребляю	23,1	42,4	19,5	25,9	17,3	29,4
Почти каждый день	7,3	6,8	5,9	6,0	4,7	10,8
1—2 раза в неделю	19,2	11,0	23,1	15,5	18,2	11,7
1—2 раза в месяц	28,1	26,3	33,5	25,5	40,7	24,7
Несколько раз в год	22,3	13,6	18,1	27,1	19,2	23,4

Зависимость от табака и алкоголя ведут к употреблению наркотиков и психотропных веществ. По результатам исследований, каждый пятый молодой человек (21,7%) имеет опыт употребления наркотиков. Показателем масштабного распространения наркомании выступает оценка молодёжью своего социального окружения, друзей и знакомых. Только у половины (58%) опрошенных в кругу друзей и знакомых нет таких, кто бы употреблял наркотики.

Молодые люди недооценивают пагубные последствия вредных привычек, а ведь среди них есть и потеря качества трудовых ресурсов, необходимость дополнительных вложений в программы социальной защиты населения, рост девиаций. В этой связи важно, чтобы решение проблем здоровья и здорового образа жизни молодёжи стало единым делом государства, общественности, средств массовой информации и других агентов социализации молодых. Совместными усилиями можно перевести декларируемые ценности здоровья в реальность самоохранительного поведения и здорового образа жизни.

СОЗДАНИЕ СЕМЬИ

Результаты социологического исследования не подтверждают опасение, что «семья перестаёт быть ценностью для людей, исчезают мотивы, побуждающие их вступать в брак и заводить детей» [8, с. 137]. По данным мониторинга, за последние 15 лет основные характеристики семейных отношений не претерпели существенных изменений. Результаты исследований свидетельствуют о том, что ценности счастливой семьи занимают лидирующие позиции у разных возрастных групп молодёжи. Семья обеспечивает человеку психолого-физиологический комфорт и выполняет функцию «эмоционального убежища». За последние годы с 22,2 до 32,7% возросла доля респондентов, оформивших официальный брак. Однако корреляционный анализ свидетельствует о противоречивости декларируемых молодёжью ценностей и результатов их воплощения (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика ценностей молодёжи
(в процентах от общего числа опрошенных)**

Варианты ответов	17 лет		24 года		29 лет	
	Каким Вы хотели бы видеть себя через 10—15 лет?		Каким Вы хотели бы видеть себя через 5 лет?		Какой Вы сейчас?	
	2005 г.	2013 г.	2005 г.	2013 г.	2005 г.	2013 г.
Человек, у которого крепкая семья и хорошие дети	70,1	60,9	66,7	52,2	42,4	39,5
Справедливый, умеющий постоять за других	15,8	17,4	11,3	16,7	21,1	29,1
Глубоко религиозный	1,7	8,7	2,2	8,8	1,1	9,9
Материально хорошо обеспеченный	70,9	51,3	66,2	55,0	27,2	20,2
Профессионал в своём деле	57,3	41,7	49,4	36,7	39,7	39,5
Человек с чистой совестью	20,1	27,0	15,2	23,9	27,7	36,3
Энергичный, предприимчивый	26,1	24,3	27,7	23,5	20,1	22,4
Надёжный друг	28,2	22,6	17,3	26,7	37,5	37,7
Патриот, настоящий гражданин своей страны	7,3	16,5	5,2	10,8	9,2	14,3
Образованный, духовно богатый человек	20,9	29,6	22,9	27,5	12,0	20,2
Свободный, независимый человек	32,5	27,0	26,8	17,5	20,7	22,9
Человек, который пользуется большим авторитетом	23,1	19,1	13,9	12,4	12,5	7,6
Здоровый, физически сильный	42,3	40,0	44,6	34,3	25,0	18,4
Человек, который умеет хорошо повеселиться и отдохнуть	26,1	20,9	12,6	11,2	19,6	13,5
Такой, как все	2,6	0,9	3,0	4,0	11,4	9,9

* Сумма ответов превышает 100%, т.к. по методике опроса можно было выбрать пять вариантов ответа.

Кризис молодёжного сознания проявляется и в том, что пятая часть опрошенных не торопится официально регистрировать отношения, отдавая предпочтение неофициальному, т.н. гражданскому браку, а каждый третий молодой человек (32,4%) вовсе не считает обязательным регистрацию брака при создании семьи. Очевидно, что такие представления о семейно-брачных отношениях оказывают негативное влияние на репродуктивное поведение молодёжи. Желание иметь вторых и третьих детей остаётся для многих респондентов нереализованным (табл. 4).

Кроме того, отсутствие собственного жилья также негативно отражается на желании и возможности молодёжи иметь детей. Это подтверждает и рейтинг оценок наиболее актуальных направлений государственной молодёжной политики, где наряду с поддержкой молодой семьи каждый второй опрошенный выделяет решение жилищного вопроса.

Таблица 4

**Наличие детей (действительное и желаемое)
(в процентах от общего числа опрошенных)**

Варианты ответов	24 года				29 лет			
	Желание		Наличие		Желание		Наличие	
	2009 г.	2013 г.						
Один	24,9	27,7	24,0	28,3	24,3	23,0	41,6	42,4
Два	49,8	43,4	4,5	5,2	50,5	44,8	9,8	19,5
Три	12,2	14,5	1,8	—	12,9	17,8	0,9	1,3
Более трёх	6,3	4,0	0,9	—	4,3	2,2	0,0	—

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ

В постсоветский период у «детей перестройки» наиболее ярко обозначились жизненные притязания и приоритеты, основой которых стали прагматические ценностные установки. Это поколение сформировалось в обстановке высокого уровня общественной фрустрации, что сделало его, как ни парадоксально, более рискованным. Если сравнить с подрастающими поколениями других стран (США, Европа), то выяснится, что «детям перестройки», как и их зарубежным сверстникам, по большому счёту всё равно, кто у власти и какие проводятся выборы. Для них значительно важнее частное пространство, чем накал политических страстей, их приоритет — личная и интимная жизнь.

Становление гражданского общества во многом обусловлено общественно-политической активностью молодёжи. Результаты исследований свидетельствуют о том, что молодым людям из регионов в большей мере присуща пассивность в гражданской позиции. В 2013 г. лишь 3,7% респондентов указали, что состоят в политической партии, движении (2009 г. — 4,6%, 2007 г. — 3,1%, 2005 г. — 1,5%). Эти показатели совпадают с результатами общероссийских исследований и свидетельствуют о политической индифферентности молодых граждан.

Современная молодёжь в большинстве своём воспитывалась в новых экономических, политических, социальных и культурных условиях. При этом лишь незначительная её часть считает, что в политическом руководстве страной преобладает демократия. По мнению других респондентов, современная политическая ситуация характеризуется неразберихой, администрированием аппаратных чиновников и единоличными решениями высших руководителей (табл. 5).

Главным показателем социальной зрелости является степень нормативности сознания человека: она определяет настоящее и будущее развития личности и государства. Чтобы выявить отношение молодёжи к асоциальным явлениям, респондентам были предложены 11 вопросов анкеты «Как Вы относитесь к таким явлениям, как...» (табл. 6).

Таблица 5

**В политическом руководстве страной сейчас преобладает...
(в процентах от общего числа опрошенных)**

Варианты ответов	17 лет		24 года		29 лет	
	2005 г.	2013 г.	2005 г.	2013 г.	2005 г.	2013 г.
Демократия	12,4	19,5	11,4	13,9	7,7	14,3
Администрирование аппаратных чиновников	12,0	11,0	18,9	19,1	21,9	20,3
Единоличные решения высших руководителей	12,4	22,9	18,0	20,7	22,4	27,7
Неразбериха	34,3	23,7	34,6	28,7	30,6	26,8
Затрудняюсь ответить	28,8	22,9	17,1	17,5	17,5	10,8

Таблица 6

**Допустимость асоциальных явлений
(по мнению молодёжи, в процентах от общего числа опрошенных)**

Варианты ответов	1997 г.	2005 г.	2009 г.	2013 г.
Вступить в брак по расчёту	66,0	65,0	56,7	43,7
Вступить в физическую близость за плату	38,7	32,5	32,1	24,7
Взять то, что плохо лежит	39,7	34,1	37,0	29,5
Добыть хитростью	69,7	68,8	65,7	60,8
Взять силой	39,7	23,1	30,4	31,2
Проезд в транспорте без билета	85,0	84,3	78,4	60,7
Употребление нецензурных выражений	65,0	77,8	81,8	65,0
Частое употребление спиртных напитков	76,7	61,2	56,7	36,7
Употребление токсических веществ, наркотиков	18,0	9,5	11,4	13,0
Уклонение от уплаты налогов	73,3	56,9	50,9	43,7
Получение взятки	60,7	46,6	46,9	34,3

Полученные результаты свидетельствуют о достаточно высокой степени ненормативности сознания молодёжи Хабаровского края, особенно в старших возрастных группах (24 и 29 лет). Добавим к этому: лишь один молодой человек из десяти считает, что всё в стране подчинено действиям законов.

Одним из основных компонентов гражданской позиции является патриотизм. Последние десять лет уровень декларируемого патриотизма у молодых граждан остаётся достаточно высоким. В то же время выросло число и тех, кто не считает себя патриотом. Чтобы это понять, важно определить, есть ли у гражданина предметы гордости своей Родиной и какие они (рис. 3).

Не менее важный аспект изучения патриотизма молодых — самоидентификация их как граждан России. Понятие «Родина» в молодёжном сознании достаточно разнообразно. Большинство молодых людей (53,5%), независимо от возрастной группы, связывают его со страной. Каждый пятый считает своей Родиной Хабаровский край, ещё 15% — то конкретное место, где проживают. Небольшая часть опрошенных, в основном 29-летние (3,8%), называют своей Родиной бывший СССР.

Рис. 3. Распределение ответов молодежи на вопрос: «Чем вы как гражданин России могли бы гордиться?» (в процентах от общего числа опрошенных)

Около половины респондентов связывают активную гражданскую позицию с умением защищать свои права и свободы. Тем не менее они обращают внимание и на участие в выборах (20,2%) и деятельности общественных объединений (14,5%), и на неравнодушие к происходящим вокруг процессам (27,5%).

Двое из пяти опрошенных (42,7%) заявили, что они обладают активной гражданской позицией. Однако настораживает факт, что каждый третий молодой человек отметил отсутствие у него гражданской позиции, а каждый четвертый не может ответить на этот вопрос.

В молодежной среде существуют определённые проблемы формирования гражданской позиции и вовлечения в процессы общественной и политической жизни. Решить их могут общественные организации, но молодые люди относятся к таким организациям с высокой степенью индифферентности и недоверия. Можно согласиться с тем, что ни молодежные организации, ни политические партии не являются в глазах многих россиян, в т.ч. и молодых, «социальным лифтом», позволяющим им реализовать себя [3, с. 59]. Основные причины этого отношения, по оценкам экспертов, связаны с формализмом «в реализации государственной молодежной политики» (33%), «недостаточной активностью, как представителей общественных организаций, так и представителей органов власти» (32%),

«непониманием властью проблем молодёжи» (30%) и др. Как справедливо отмечает Н.Л. Смакотина, «существующие государственные молодёжные общественные объединения ставят цели, расходящиеся с запросом молодых людей... хотя потребность в принадлежности подростков и молодёжи к группе (объединению) велика» [7, с. 147]. Одна из причин — ориентация государства на работу преимущественно с организованной молодёжью, главным образом учащимися и студентами (и в меньшей степени с инвалидами, безработными, правонарушителями, наркоманами и др.).

Уровень доверия молодёжи к различным социальным и политическим институтам выступает значимым фактором её активности. В общественном сознании молодёжи, как и населения в целом, сохраняется высокая персонификация государственной власти. Рейтинги первых лиц страны и региона имеют более высокий потенциал доверия, чем обслуживающие их аппараты и другие институты государства.

Согласно результатам социологических исследований, оценка качества отношения государства к молодёжи предельно низкая. Так, половина выпускников вузов считают, что государство к ним относится не хорошо и не плохо (табл. 7).

Таблица 7

**Как государство относится к молодёжи?
(по мнению выпускников вузов, в процентах от общего числа опрошенных)**

Варианты ответов	Хабаровский край	ЕАО	Камчатский край
Лучше, чем к другим группам населения	3,3	7,8	2,0
Так же хорошо, как к другим группам	12,3	21,8	17,0
Не хорошо и не плохо	45,7	43,2	50,0
Так же плохо, как к другим группам	21,9	10,9	23,0
Хуже, чем к другим группам	6,3	3,5	—
Затрудняюсь ответить	10,4	12,8	8,0

В оценках молодых людей государственная политика не представляется реальной системой действий, направленных на создание условий и возможностей их развития и закрепления в регионе. Подавляющее большинство студентов не ощущают на себе влияния государственной молодёжной политики, реализуемой в регионах. Чувствуют это менее 10% опрошенных выпускников. Данные представления питают миграционные намерения каждого второго молодого респондента Дальневосточного региона (55%). По данным исследований, динамика миграционных намерений студенчества за последние 7 лет существенно выросла. Так, если в 2005 г. студентов, желающих уехать с территории Дальневосточного макрорегиона, было 28,1%, то в 2012 г. — 41%³.

³ Исследование «Студенчество Дальнего Востока: проблемы и перспективы профессионального становления», 2005 г. (N=1940), 2012 г. (N=1093). Генеральная совокупность — студенты выпускных курсов вузов Дальнего Востока. Тип выборочной совокупности — многоступенчатый, квотный, случайный на этапе отбора респондентов. Доверительная вероятность 97%, доверительный интервал ±3%. Научный руководитель — д.с.н., проф. Н.М. Байков.

Таким образом, социологическое измерение социальных переходов как поворотных пунктов взросления молодёжи на примере возрастной когорты «дети перестройки» является важным методологическим инструментом познания особенностей реализации их статусно-ролевого набора. Это связано с тем, что социальная адаптация в переходах жизненного цикла крайне противоречива, а её недооценка государством и обществом, имевшая место в постсоветский период, создала немало проблем в социализации и профессионализации молодёжи. Их субъективными показателями служат выявленные противоречия сознания и поведения молодёжи, для их преодоления необходимы дополнительные силы и средства. Так, на этапе получения образования желание быть «образованным и духовно богатым человеком» выражал только один из пяти «детей перестройки» в 17 лет и в 29 лет. При этом подавляющее большинство демонстрируют устойчивый и высокий интерес преимущественно к высшему образованию, особенно общественно-гуманитарным профессиям, а не к профессиональной подготовке начального и среднего уровней. Наряду с этим следует отметить, что «диплом как таковой» приобретает особую ценность, которая выше у 29-летних, чем у 17-летних (35 против 20% соответственно). О дефиците высокой духовности у молодёжи свидетельствует устойчивая тенденция допустимости «употребления нецензурных выражений» двумя третями опрошенных, которая сохраняется в течение всего исследовательского периода (1997—2013 гг.).

Известно, что постсоветские реформы больше всего ударили по «детям перестройки», которые тогда осваивали профессию или только начинали работать. Ценностную ориентацию «быть профессионалом в своём деле» разделяли более половины 17-летних этой возрастной когорты (57%), но к 29 годам таковыми стали только 39% опрошенных. С возрастом, от 17 к 29 годам, с половины до трети девальвировали и представления о том, что высшее образование даёт «хорошую профессию». На этапе юности (17 лет) почти три четверти (70%) из них хотели быть «материально хорошо обеспеченными» (2005 г.), но реализовал это желание только один из пяти (20%) респондентов (2013 г.).

Создание семьи стабильно занимает одно из ведущих мест в рейтинге ценностей молодёжи, но реальный переход к ней носит отсроченный характер. Так, на первом этапе взросления (17 лет) большинство «детей перестройки» (70%) видели себя в будущем «человеком, у которого крепкая семья и хорошие дети», но в 29 лет эту ценностную ориентацию реализовали только двое из пяти опрошенных (39%). Добавим к этому, что каждый седьмой респондент, не состоящий в браке, выразил намерение не оформлять его в будущем. Как следствие, у 40% молодых семей — незарегистрированный брак, имеющий, как известно, свои негативные последствия.

Среди других характеристик молодёжи, которые существенно изменили её в процессе социального перехода взросления, следует выделить разрыв между желанием быть «здоровым, физически сильным» в 17 (42%) и 29 лет (18%). За годы взросления у «детей перестройки» в два раза возросла значимость ценности быть «справедливым, умеющим постоять за

себя» (17 лет — 15%, 29 лет — 29%). Однако в три раза сократилась доля ответов, выражающих желание быть человеком с большим авторитетом (17 лет — 23%, 29 лет — 7%).

В целом можно констатировать смену коллективистской модели сознания и поведения у 29-летних «детей перестройки» (2013 г.) на индивидуально-прагматическую. Это подтверждает устойчивая динамика непринятия большинством опрошенных ценности быть «такими как все» (до 90%) при незначительной доле тех, кто считает себя «свободным и независимым» (22%), «энергичным и предприимчивым» (22%), «патриотом, настоящим гражданином своей страны» (14%).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аберкромби Н. Социологический словарь. М.: ЗАО «Изд-во „Экономика“», 2004. 620 с.
2. Доклад о мировом развитии 2007: Развитие и новое поколение. М.: Изд-во «Весь Мир», 2007. 376 с.
3. Молодёжь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М.: Институт социологии РАН, 2007. 95 с.
4. Молодёжь России: положение, тенденции, перспективы: докл. Ком. РФ по делам молодёжи. М., 1993. 131 с.
5. Руткевич М.Н., Потапов В.П. После школы: социально-профессиональные ориентации молодёжи. М., 1995. 224 с.
6. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: учение о строении сложных социальных агрегатов. Пг.: Изд-во «Колос», 1921. 472 с.
7. Социальный потенциал молодёжи. М.: МАКС Пресс, 2009. 260 с.
8. Федотова Ю.В. Проблема понимания кризиса семьи // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 137—141.

REFERENCES

1. Aberkrombi N. *Sociologicheskii slovar* [Sociological dictionary]. Moscow, Izdatel'stvo "Ekonomika" Publ., 2004, 620 p. (In Russ.)
2. *Doklad o mirovom razviti 2007: Razvitie i novoe pokolenie* [World development report 2007: development and the new generation]. Moscow, Izdatel'stvo "Ves mir" Publ., 2007, 376 p. (In Russ.)
3. *Molodezh noi Rossii: obraz zhizni i cennostie prioriteti* [Youth of the new Russia: lifestyle and value priorities]. Moscow, Institut sociologii RAN Publ., 2007, 95 p. (In Russ.)
4. *Molodezh Rossii: polozheniie, tendencii i perspektivi* [Russian youth: standing, tendencies and prospects]. Moscow, 1993, 131 p. (In Russ.)
5. Rutkevich M.N., Potapov V.P. *Posle shkoli: socialno-professionalnie orientacii molodezhi* [After school: social and professional orientation of the youth]. Moscow, 1995, 224 p. (In Russ.)
6. Sorokin P.A. *Sistema sociologii. T. 2 — Social'naja analitika: uchenie o stroenii slozhnyh social'nyh agregatov* [Sociology system. Vol. 2. Social analytics: doctrine on structure of complex social systems]. Petrograd, Izdatel'stvo "Kolos" Publ., 1921, 472 p. (In Russ.)
7. *Socialnii potencial molodezhi* [Social potential of youth]. Moscow, MAKS Press Publ., 2009, 260 p. (In Russ.)
8. Fedotova U.V. Problema ponimania krizisa semi [Problem of understanding the family crisis]. *Sociologicheskie issledovania*, 2003, no. 2, pp. 137—141. (In Russ.)